

гіознаго образованія для блага государственнаго. Такое раскрытіе основныхъ понятій темы и установленіе внутренней связи между ними должно составить первую часть сочиненія догматико-каноническую. Вторая часть должна представить фактическое оправданіе этого построенія изображеніемъ историческихъ моментовъ школьнаго христіанскаго преподаванія пастырями церкви, а именно: сначала указать характерныя черты древнѣйшей церковной школы, создавшейся безъ всякаго вліянія и содѣйствія, государства затѣмъ—характерныя черты въ древней Руси церковной школы, и наконецъ — характерныя черты устройства и судьбу народно-церковной школы въ новый періодъ, начиная съ Петра I и по настоящее время.

Этотъ планъ строго и выдержанъ въ сочиненіи.

Авторъ вполне овладѣлъ своимъ предметомъ, насколько раскрыть онъ въ отечественной литературѣ. Онъ перечиталъ все, что напечатано было дѣльнаго для раскрытія исторіи русской церковной школы и въ защиту ея. Съ своей стороны онъ привнесъ хорошее освѣщеніе предмета, на основаніи Слова Божія и церковныхъ каноновъ основательно доказавъ неотъемлемое право православнаго пастыря на дѣятельное участіе въ народномъ образованіи,—право, далеко не всегда находившее себѣ должную защиту и признаніе.

Признаю сочиненіе Ивана Некрасова удовлетворительнымъ для присужденія ему степени кандидата богословія“.

21. Экстраординарнаго профессора Александра Ыльяева о сочиненіи студента *Никанорова Ивана*: „О святости Церкви“:

„Изложивши въ предисловіи планъ своего сочиненія, а во введеніи представивши краткую оцѣнку важнѣйшихъ опредѣленій Церкви, г. Никаноровъ затѣмъ даетъ изслѣдованіе предмета въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ каждая распадается на двѣ главы. Первая часть содержитъ ученіе о святости божественной, освящающей стороны Церкви, вторая— о святости человѣческой, освящаемой стороны Церкви. Въ первой части онъ рассуждаетъ о святости цѣли Церкви и источниковъ и средствъ, какіе имѣетъ Церковь для достиженія своей цѣли; а во второй—рассматриваетъ процессъ освященія членовъ Церкви, характеръ, условія и степени освященія ихъ. Кромѣ положительнаго или догматическаго ученія о своемъ предметѣ, онъ излагаетъ и опровергаетъ

сектантскія и еретическія ученія о святости Церкви мон-танистовъ, новаціанъ, донатистовъ и протестантовъ. По содержанию и характеру его сочиненіе есть догматико-полеми-ческое. Впрочемъ, полемическую сторону своего труда онъ постоянно ставитъ въ зависимость отъ догматической: онъ изла-гаетъ и опровергаетъ еретическія ученія о святости Церкви съ тою единственною цѣлю, чтобы лучше раскрыть и утвер-дить догматическое православное ученіе объ этомъ предметѣ. Православное ученіе о святости Церкви онъ излагаетъ на основаніи Священнаго Писанія, изреченія котораго онъ од-нако изъясняетъ далеко не съ такою обстоятельностью, какой можно требовать отъ спеціальнаго догматическаго сочиненія, святоотеческихъ твореній и немногихъ богословскихъ сочи-неній, большею частію русскихъ. При изложеніи и разборѣ еретическихъ ученій о святости Церкви онъ пользовался направленными противъ нихъ сочиненіями древнихъ и но-выхъ писателей. Можно было бы пожелать болѣе подробнаго и глубокаго изслѣдованія внесепнаго въ сочиненіе мате-ріала,—особенно это требованіе имѣетъ силу въ отношеніи догматической части труда,—но за то въ сочиненіи нѣтъ ни-чего лишняго. Взгляды и мнѣнія автора здравы и правильны, свободны отъ преувеличеній и натяжекъ—этихъ обычныхъ недостатковъ сочиненій молодыхъ и неопытныхъ писателей. Языкъ въ сочиненіи безыскусственный, правильный, ясный и легкій, вполне литературный.—Степени кандидата авторъ сочиненія заслуживаетъ“.

22. Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочи-неніи студента *Орлова Константина*: „Святой Архидіаконъ Стефанъ, первомученикъ христіанскій (Дѣян. VI—VII главы)“:

„Содержаніе сочиненія: 1) краткое предисловіе о задачѣ, ха-рактерѣ и пособіяхъ сочиненія (стр. I—X);—2) историческое *введеніе*, состоящее изъ указанія года смерти Св. Стефана (стр. 1—11), описанія состоянія іудейства въ данное время (стр. 13—54) и христіанской Церкви до Св. Стефана (стр. 55—94);—3) *толкованіе* историческаго повѣствованія Дѣяній о Св. Стефанѣ (стр. 95—301), рѣчи Св. Стефана (стр. 302—504) и разсказа Дѣяписателя объ убіеніи Св. Стефана и послѣдо-вавшаго въ то время гоненія на христіанъ (стр. 505—550);—4) филологическія *примѣчанія* къ тексту толкуемаго отдѣла книги Дѣяній (стр. 551—580).

Недостатки сочиненія: 1) общенсторическія свѣдѣнія изложены у автора слишкомъ обще и большею частію по второстепеннымъ пособіямъ, безъ самостоятельной провѣрки датъ по подлинникамъ, хотя бы даже нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ авторитетныхъ переводахъ (напр. мидрашей и талмуда);—2) можно также потребовать отъ автора болѣе подробности и критичности въ изслѣдованіи какъ толкуемаго текста книги Дѣяній, такъ и параллелей къ нему ветхозавѣтныхъ,—для чего необходимо было знакомство съ оставшимися автору неизвѣстными специально - филологическими пособіями къ изученію ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго текстовъ,—напр.: съ наилучшими критическими изданіями греческаго и другихъ библейскихъ текстовъ (у автора было только изданіе Дѣяній Blass'a), грамматиками (хотя бы Винера), лексиконами (Шлейснера и др.), симфоніями (Брудера, Гача и Редпата) и др. мн.;—3) при истолкованіи второй половины рѣчи Св. Стефана, приблизительно съ 447-й страницы, особенно замѣтною становится сравнительная бѣдность параллелей изъ іудейскихъ памятниковъ письменности (Филона, Іосифа Флавія, Таргумовъ, Мидрашей, Талмуда и Іудейскихъ апокрифовъ),

Достоинства сочиненія: 1) полнота, цѣльность и законченность труда, объемлющаго все не только прямыя, но и косвенныя вопросы по данному предмету;—2) тщательное изученіе и умѣлое использование не малаго количества пособій какъ древне-церковныхъ, такъ и новѣйшихъ иностранныхъ и русскихъ, особенно по истолкованію священнаго текста, по обще-историческимъ датамъ къ нему и по параллелямъ изъ древне-іудейской литературы;—3) правильность и основательность какъ обще-историческихъ и богословскихъ разсужденій автора, такъ и частныхъ толкованій священнаго текста въ духъ строгаго православія;—4) ясность и отчетливость изложенія, стройность и послѣдовательность плана и въ особености—умѣлое, совершенно правильное и убѣдительное уясненіе общей задачи и характера рѣчи Св. Стефана, подтверждающихся у западныхъ экзегетовъ многоразличнымъ перетолкованіямъ и вслѣдствіе этого весьма затемненныхъ въ наукѣ: истолкованіе автора не оставляетъ въ рѣчи Св. Стефана неясными для православнаго богослова не только ни одной общей мысли или отдѣла, но и ни одного частнаго выраженія.

Въ виду указанныхъ достоинствъ сочиненіе г. Орлова вполне удовлетворительно для кандидатской степени“.

23. Н. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента Орлова *Леониды*: „Религіозный мистицизмъ въ царствованіе Александра I, въ связи съ исторіей русскаго сектантства“:

„Время царствованія Александра I въ религіозномъ отношеніи представляетъ эпоху, отмѣченную весьма своеобразными чертами и представляющую высокій интересъ для изслѣдователя, посвящающаго себя изученію проявленій русской внѣцерковной религіозности, обозначаемыхъ общимъ именемъ мистическаго сектантства. Господство религіозно-мистическихъ идей въ обществѣ и религіозная политика властей, доведшихъ начало широкой вѣротерпимости до полного индифферентизма и даже прямого покровительства сектантамъ, создали для послѣднихъ такое положеніе, что названное царствованіе (по крайней мѣрѣ—первые 20 лѣтъ его) справедливо считается „золотымъ вѣкомъ“ въ исторіи русскихъ мистическихъ сектъ. Но при всемъ интересѣ и значеніи этой эпохи, изученіе ея съ той стороны, которая указана въ темѣ разсматриваемаго сочиненія, представляетъ не малыя трудности какъ по чрезвычайному обилію матеріаловъ, подлежащихъ изученію, такъ и по самому характеру изучаемыхъ фактовъ и умонастроеній эпохи, не легко поддающихся точному опредѣленію. Авторъ настоящаго изслѣдованія съумѣлъ, однако, успѣшно преодолѣть предстоявшія ему трудности и представить работу, носящую на себѣ ясныя слѣды не только похвальнаго трудолюбія въ изученіи матеріала, но и хорошаго умѣнья самостоятельно разбираться въ этомъ матеріалѣ при его обработкѣ. Онъ, правда, не загромождастъ текста своего изслѣдованія обиліемъ подстрочныхъ примѣчаній и цитатъ изъ пособій; но въ его живомъ и свободномъ, носящемъ на себѣ печать литературнаго таланта, изложеніи ясно чувствуется серьезное знаніе дѣла и дѣйствительное знакомство съ тою обильною литературою предмета, списокъ которой приложенъ имъ въ концѣ изслѣдованія (предъ оглавленіемъ, довольно подробно и точно указывающимъ содержаніе данной работы). Разумѣется, сочиненіе не чуждо и нѣкоторыхъ недостатковъ. Такъ, едва-ли можно согласиться вполне съ тѣмъ взглядомъ на общество Татариновой, какой отстаиваетъ авторъ въ IV главѣ; по

крайней мѣрѣ, тѣ соображенія, какими подкрѣпляетъ онъ себя, еще не рѣшаютъ вопроса въ принимаемомъ имъ смыслѣ, а нѣкоторыя черты, сообщаемыя въ той же главѣ, по-видимому, даже говорятъ противъ такого рѣшенія. Можно также отмѣтить нѣкоторую неполноту въ его изложеніи свѣдѣній изъ исторіи мистическихъ сектъ за указанную эпоху. Есть и болѣе мелкіе недочеты, въ родѣ начертанія слова „mysterion“ (отъ котораго производится авторомъ „мистицизмъ“) почему-то латинскими буквами (стр. 10) и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ шероховатостей въ изложеніи неловкихъ выраженій (см. стр. 34, 135, 228 и др.). Но въ цѣломъ сочиненіи производитъ впечатлѣніе для автора весьма благопріятное и даетъ право признать его вполне достойнымъ некоей степени“.

24. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Островскаго Дмитрія*: „Выговская пустынь и ея значеніе въ исторіи старообрядческаго раскола“:

„Настоящее сочиненіе, какъ видно изъ приведеннаго заглавія, посвящено изслѣдованію о знаменитой поморской „киновіи“, въ продолженіе полутора столѣтій бывшей однимъ изъ самыхъ важныхъ по своему значенію средоточныхъ пунктовъ безпоповщины. Для выясненія отдѣльныхъ моментовъ ея исторіи въ существующей печатной литературѣ сдѣлано уже не мало: издапы сполна или приведены въ извѣстность важнѣйшіе матеріалы (хотя и не все); существуютъ и монографіи какъ объ устроителяхъ и руководителяхъ жизни въ выгорѣцкой общинѣ—братьяхъ Деписовыхъ, такъ и объ основныхъ положеніяхъ безпоповщинской доктрины, при чемъ не оставлено безъ вниманія и участіе въ ихъ развитіи выговцевъ. Но при всей цѣнности этихъ монографическихъ работъ, значеніе для безпоповщинскаго раскола Выговской пустыни въ цѣломъ нельзя признать выясненнымъ достаточно. На эту именно сторону дѣла и обратилъ преимущественное вниманіе авторъ разсматриваемаго сочиненія: не вдаваясь въ изысканія новаго матеріала, онъ—какъ самъ заявляетъ во „введеніи“ къ своему труду—„имѣлъ своею задачею написать не столько подробную фактическую исторію пустыни, сколько выяснить ея значеніе въ исторіи раскола на основаніи уже напечатанныхъ о ней сочиненій и статей, а также и доступныхъ ему рукописей“ (стр. XXV), впрочемъ—весьма

немногихъ. Преслѣдуя эту задачу, онъ въ двухъ частяхъ, на которыя дѣлится свое изслѣдованіе, выясняетъ, во 1-хъ, значеніе Выговской пустыни въ исторіи распространенія, организациі и вѣдннлаго утвержденія раскола и, во—2-хъ, значеніе ея въ исторіи умственной жизни раскола.—въ развитіи своеобразной раскольнической догматики, полемики и вообще въ обоснованіи раскола, какъ особой догмы и отдѣльнаго отъ православной Церкви общества, предпосылая въ томъ и другомъ случаѣ изложенію данныхъ, касающихся собственно Выговской пустыни, очеркъ состоянія раскола въ поморскомъ краѣ и развитія раскольнической доктрины до основанія названной „кипови“.

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ „введенія“, опредѣляющихъ задачу разсматриваемаго труда, послѣднимъ не имѣлось въ виду внести чего-либо существенно новаго и значительнаго въ запасъ отдѣльныхъ фактовъ и частныхъ сужденій по изслѣдуемому предмету. При той наличности данныхъ, какую располагаетъ авторъ, ему приходилось въ большинствѣ случаевъ не устанавливать новые взгляды, а выбирать между существующими, основываясь при этомъ на фактахъ, не бывшихъ неизвѣстными и прежнимъ изслѣдователямъ. Все его вниманіе обращено на объединеніе результатовъ, добытыхъ его предшественниками по изученію даннаго предмета, и нужно признать, что въ этомъ направленіи трудъ автора оказался далеко не безуспѣшнымъ. Въ своемъ изслѣдованіи онъ представилъ, на основаніи изученныхъ имъ матеріаловъ, достаточно полную и живую картину внутренней жизни Выгорѣлкой раскольнической общины и ея вѣдннпихъ отношеній, обнаруживши при этомъ серьезное знакомство не только съ тѣмъ, что имѣло прямой и ближайшій интересъ для данной темы, но и вообще съ существующей литературой по важнѣйшимъ вопросамъ расколовѣдннн. Общая точка зрѣннн на изучаемыя явленія, вполне вѣрная по существу и послѣдовательно проведенная чрезъ все изслѣдованіе, стоитъ въ полной гармоніи съ подробно раскрытымъ во „введеніи“ пониманіемъ сущности старообрядческаго раскола и обнаруживаетъ въ авторѣ серьезнаго изслѣдователя, способнаго вдумчиво относиться къ изучаемымъ фактамъ и вѣрно устанавливать ихъ внутреннюю связь. При ясности и опредѣленности своихъ основоположеній со-

чиненіе обладаетъ и надлежащею обстоятельностью въ ихъ раскрытіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ 2-ой части, посвящѣнъ на себѣ признаки слѣшной работы. Есть въ сочиненіи нѣкоторыя частности, съ которыми нельзя согласиться. Таковы, напр., соображенія автора объ отношеніи содержащагося въ „Виноградѣ россійскомъ“ сказанія о Епифаніи къ „Житію“ этого расколоучителя (стр. 225—9) и т. п. Но такія частности не измѣняютъ общаго благопріятнаго впечатлѣнія отъ разсматриваемой работы. Искомой степени авторъ вполне достоинъ“.

25. Экстраординарнаго профессора Василя Мышцына о сочиненіи студента *Петровыхъ Ивана*: „Археологія Іосифа Флавія какъ источникъ библейской исторіи“:

„Исходя изъ мысли, что безъ біографіи Іосифа немыслимы пониманіе и правильная оцѣнка его капитальныхъ трудовъ (стр. 2), авторъ сообщаетъ сначала краткія біографическія свѣдѣнія о Флавіѣ (1—9). Начало хорошее. Но было бы еще лучше, еслибы авторъ не ограничился чисто внѣшними общезвѣстными фактами изъ жизни Іосифа, а попытался освѣтить его внутреннюю, интеллектуальную и моральную жизнь. За біографіей Іосифа у г. Петровыхъ слѣдуетъ анализъ произведеній его, касающійся болѣе внѣшняго состава и обстоятельствъ ихъ происхожденія, чѣмъ внутренняго характера и цѣлей написанія ихъ (10—21). Цѣль Археологіи Іосифа выясняется правильно, но нѣсколько обще и безъ фактическаго подтвержденія. Ознакомивъ затѣмъ читателя съ тѣмъ, какъ цѣнились труды Іосифа въ древнее и новое время (22—26), г. Петровыхъ даетъ характеристику самой личности Іосифа, указывая выдающуюся черту и, такъ сказать, центральное свойство его „въ фарисейскомъ тщеславіи и самообольщеніи“ (26), и основываясь главнымъ образомъ на фактѣ перехода Іосифа на сторону Рима. Последняго авторъ не можетъ простить Іосифу и вообще довольно антипатично относится къ нему. Не рѣшаясь спросить автора, пригодна-ли столь строгая моральная мѣрка къ эпохѣ Іосифа, мы не можемъ не сказать, что по нашему мнѣнію характеристика его стоитъ нѣсколько не на своемъ мѣстѣ. Ея естественное мѣсто непосредственно послѣ біографіи. Быть можетъ, въ этомъ насильственномъ разъединеніи біографіи и характеристики лежитъ причина того, что объ овѣ

производятъ неодинаковое впечатлѣніе (ср. напр. стр. 27 и 3; 27 и 6): въ біографіи Іосифъ выступаетъ въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ въ характеристикѣ. Намъ думается также, что характеристика Іосифа у автора нѣсколько неполна. Она почти вся вращается около факта перехода Іосифа на сторону Рима. Но мы не считаемъ этотъ фактъ исчерпывающимъ всю сущность дѣла. Въ своей автобіографіи Іосифъ даетъ много весьма благодарнаго матеріала для своей характеристики и между прочимъ тѣхъ слабыхъ его сторонъ, которыя довольно сильно сказались въ его Археологіи. Во второй главѣ: *Археологія Іосифа и ея характеристическія способности (недостатки)* (35—83) авторъ указываетъ слѣдующіе недостатки Археологіи: тенденціозность, не критичность и непрагматичность, сказавшуюся въ недостаткѣ уясненія духа исторіи, теченія идей и въ устраненіи Мессіанской идеи.—Эта глава отличается большими достоинствами, обнаруживая въ авторѣ широкій, устойчивый и совершенно научный взглядъ на задачи и методъ исторіи. Свою характеристику Археологіи онъ иллюстрируетъ массою удачныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ нея. По нашему мнѣнію это—лучшая глава во всемъ сочиненіи г. Петровыхъ. По мѣстамъ авторъ и здѣсь суровъ по отношенію къ Іосифу Онъ говоритъ: „самый переходъ къ Риму былъ, такъ сказать, уже послѣднимъ словомъ его отступничества отъ завѣтныхъ чаяній своего народа, резюме его отреченія отъ всякихъ результатовъ іудейской многострадальной исторіи,—отреченія, сказавшагося въ его Археологіи уже тамъ, гдѣ онъ со столь легкимъ равнодушіемъ, приводя рѣчь Бога къ падшимъ прародителямъ, совершенно молчитъ объ утѣшительномъ обѣтованіи Избавителя, Котораго человечество приглашалось яждать „отъ сѣмени жены“ (79). Прежде чѣмъ сказать это, автору слѣдовало доказать, что Іудеи временъ Іосифа понимали это изреченіе такъ, какъ мы. Въ третьей главѣ (83—124) г. Петровыхъ разсматриваетъ Археологію со стороны ея источниковъ и между прочимъ рѣшаетъ вопросъ, какимъ текстомъ Библии пользовался Іосифъ. Эта глава разработана обстоятельно и полно. Лишь по вопросу о текстѣ Библии у Іосифа автору слѣдовало бы познакомиться еще съ хорошею книжкой Меца (*Die Bibel des Iosephus*). Съ 124 стр. и до конца г. Петровыхъ излагаетъ содержаніе Археологіи Іосифа. Изложеніе это дѣлится у него

на двѣ половины. Въ первой подъ заглавіемъ: *Археологія и Библия* и подъ нѣсколькими частнѣйшими рубриками: *первые люди* (135—169), *хронологическая система Иосифа* (150—165), *троица патриарховъ* (*Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ*—169—198), *ходатай Завѣта Ветхаго* (*Моисей*—198—288), *Иисусъ Назимъ и Судии* (288—306), *цари народа Божія* (306—360), *поработители отверженнаго Израиля* (360—434), авторъ подробно излагаетъ содержаніе Археологіи, поскольку она отступаетъ или своеобразно понимаетъ Библию; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ большею частію объясняетъ и происхожденіе этихъ отступленій. Сдѣланное Авторомъ сравненіе Археологіи съ Библией самостоятельно, полно и освѣщено справедливо. Сопоставленіе Археологіи съ позднѣйшими іудейскими памятниками авторъ дѣлаетъ отчасти самостоятельно, но большею частію при помощи Bloch'a. Значеніе этого громаднаго отдѣла (135—434) авторъ выясняетъ кратко въ слѣдующихъ словахъ: „когда мы знаемъ и покажемъ источники, откуда черпались эти чуждые элементы... мы быть можетъ достигнемъ также одной изъ самыхъ прочныхъ основъ для надлежащаго пониманія и осмысленнаго представленія предмета библейской исторіи, уяснивъ, какою она не должна быть... Надежаніе могла бы быть тогда и самостоятельная постановка опыта изложенія библейской исторіи, болѣе или менѣе отвѣчающаго тѣмъ требованіямъ, какія предъявляются современной жизнью къ названной наукѣ“ (134—135). Во второй половинѣ подъ заглавіемъ: *Отъ Библии до Евангелія* (434—480), излагая исторію послѣбиблейской эпохи, авторъ ограничивается простой передачей содержанія Археологіи, весьма рѣдко ставя вопросъ о достовѣрности сообщаемыхъ Иосифомъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ.

Изъ этого очерка содержанія сочиненія г. Петровыхъ видно, что въ немъ нѣтъ должнаго соответствія между темой сочиненія и ея раскрытіемъ. Задачею автора должно было быть разсмотрѣніе Археологіи Иосифа, какъ *источника* библейской исторіи, наряду съ Библией и различными небиблейскими памятниками, поскольку она даетъ намъ новый матеріалъ, и притомъ даетъ его въ качествѣ первоисточника. Никто, конечно, не станетъ некать въ Археологіи Иосифа новыхъ и цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи доплѣннаго, а тѣмъ болѣе патриархальнаго періода. Въ этой

своей части Археологія, если и служить источникомъ, то не столько для исторіи того періода, сколько для характеристики іудейства времяъ Иосифа. Значеніе собственно источника Археологія пріобрѣтаетъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ изображаетъ эпоху асмонеевъ до послѣдняго времени, такъ какъ о ней мы узнаемъ лишь отъ одного Иосифа. Задача автора главнымъ образомъ и состояла въ анализѣ и оцѣнкѣ исторической достовѣрности сообщеній Иосифа изъ этой эпохи. Въ дѣйствительности же авторъ смотритъ на Археологію, просто какъ на *опытъ* библейской исторіи наряду съ историческими трудами, напр., Курца, Велльгаузена и др. и потому естественно болѣе останавливается на указаніи слабыхъ и отрицательныхъ сторонъ Археологіи. Въмѣсто того, чтобы отмѣтить то, чѣмъ должна воспользоваться библейско-историческая наука у Иосифа (а она ему весьма благодарна), авторъ старается уяснить, по его собственнымъ словамъ, то, *чѣмъ библейская исторія не должна быть*. Смотри на Археологію какъ на опытъ библейской исторіи, авторъ естественно долженъ былъ большую часть вниманія устремить на сравненіе ея съ Библіей, какъ съ параллелью Археологіи. Сравненіе это не составляло труда, такъ какъ между этими двумя параллелями выбора не могло быть почти никакого. Тамъ же, гдѣ параллель эта терялась, авторъ ограничивается передачей содержанія Археологіи, сопровождая ее замѣчаниями: „по свидѣтельству Иосифа“, „правдоподобенъ“, „любопытенъ рассказъ“, „Гитцингъ констатируетъ его подлинность“ (411) и под. А между тѣмъ автору слѣдовало явиться здѣсь во всеоружіи исторической критики и произнести свой компетентный приговоръ, что же у Иосифа достовѣрно и что недостовѣрно, что изъ него слѣдуетъ внести въ библейскую исторію и что слѣдуетъ зачеркнуть. Сказать коротко: тема сочиненія относится къ вопросу объ источникахъ библейской исторіи, а сочиненіе написано по исторіи библейско-исторической науки. Если ранѣе указанные недостатки имѣютъ частный и несущественный характеръ, будучи легко поправимы, то послѣдній недостатокъ нельзя не признать важнымъ. Однако мы не ставимъ его въ особенную вину автору въ виду того, что онъ могъ имѣть случайное происхожденіе.

Если теперь мы будемъ разсматривать сочиненіе г. Петро-

выхъ само по себѣ, независимо отъ стоящаго надъ нимъ оглавленія, или измѣнивъ послѣднее, то мы должны признать его за прекрасный, серьезный и полезный трудъ. Помимо достоинствъ, свойственныхъ всякому научному труду, какъ то: хорошее ознакомленіе съ литературой предмета, здравое и болѣе или менѣе безпристрастное отношеніе къ нему, постоянное обращеніе къ подлинникамъ и первоисточникамъ, мы должны отмѣтить еще двѣ симпатичныя черты въ авторѣ, именно: глубокую и просвѣщенную убѣжденность въ вопросахъ вѣры рядомъ съ опредѣленнымъ и яснымъ міросозерцаніемъ и въ частности съ яснымъ и глубокимъ взглядомъ на ветхозавѣтную исторію человѣчества, и несомнѣнную способность автора къ историческимъ описаніямъ и характеристикамъ. Благодаря этимъ особенностямъ, сочиненіе г. Петровыхъ производитъ на читателя весьма пріятное впечатлѣніе. Отъ души желаемъ, чтобы авторъ пополнилъ своимъ трудомъ нашу библейско-историческую литературу.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе г. Петровыхъ вполне достаточно“.

26. Экстраординарнаго профессора Александра Вѣляева о сочиненіи студента *Петропавловскаго Александра*: „Библейское ученіе о діаволѣ“:

„Сочиненіе г. Петропавловскаго состоитъ изъ предисловія, введенія и пяти главъ изслѣдованія. Въ предисловіи ошъ даетъ краткій историческій очеркъ борьбы двухъ направленій въ ученіи о діаволѣ—церковнаго и рационалистическаго. Во введеніи изложено общее понятіе о діаволѣ съ филологическимъ объясненіемъ различныхъ наименованій его. Въ главѣ первой раскрывается и обосновывается истина бытія діавола; въ главѣ второй говорится о твореніи, природѣ и первоначальномъ состояніи діавола; въ главѣ третьей—о паденіи діавола (грѣхъ діавола, его природа или сущность и слѣдствія); въ главѣ четвертой—о свойствахъ и характерѣ діавола и о мѣстѣ его обитанія; наконецъ, въ главѣ пятой, самой обширной (150 стр., а всѣхъ страницъ 397), раскрывается отношеніе діавола къ Богу и человѣчеству, царства діавола къ царству Божію. Уже этотъ перечень заглавій частей сочиненія указываетъ на всесторонность изслѣдованія предмета. Авторъ его поставилъ себѣ двѣ задачи: съ одной

стороны, онъ старается изложить и раскрыть библейское ученіе о діаволѣ въ духѣ церковнаго пониманія его, съ другой, -- опровергаетъ раціоналистическое пониманіе его. Эти два пониманія одного и того же библейскаго ученія о діаволѣ противоположны: церковныя богословы, и не одни только православныя, а и римско-латинскія и даже протестантскія, находятъ какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ многократно и ясно выраженное ученіе о діаволѣ и злыхъ духахъ какъ существахъ личныхъ и дѣйствительно существующихъ; раціоналисты, напротивъ, отвергая бытіе діавола и злыхъ духовъ, усиливается утвердить свое отрицаніе, кромѣ другихъ основаній, еще и на самой Библии, а именно они утверждаютъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ ученіе о діаволѣ и злыхъ духахъ было заимствовано у Халдеевъ и Персовъ, а въ Новомъ Завѣтѣ оно оказалось только потому, что Іисусъ Христосъ и Апостолы говорили объ этомъ предметѣ приспособительно къ народнымъ понятіямъ, а на самомъ дѣлѣ подъ видомъ діавола и злыхъ духовъ они изображали существующее въ мірѣ зло. Раціоналисты даже упрекаютъ церковныхъ писателей въ томъ, что они плохо понимаютъ Библию, если они находятъ въ ней ученіе о діаволѣ и злыхъ духахъ, какъ существахъ личныхъ и дѣйствительныхъ. Въ виду двухъ столь противоположныхъ направленій въ пониманіи библейскаго ученія о діаволѣ и злыхъ духахъ научный интересъ труда на данную тему состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы такъ раскрыть библейское ученіе о діаволѣ и злыхъ духахъ, чтобы всякому безпристрастному читателю была очевидна правильность церковнаго ученія о діаволѣ и злыхъ духахъ и ложность раціоналистическаго ученія о томъ же предметѣ. Такъ взглянуть на задачу своего труда и г. Петропавловскій. Большая часть его сочиненія посвящена положительному, догматическому, раскрытію библейскаго ученія о діаволѣ. При этомъ дѣлѣ пособіями ему служили творенія святыхъ отцовъ въ русскомъ переводѣ, системы догматическаго богословія, православныя и инославныя, важнѣйшіе комментаріи, русскіе и нѣмецкіе, на нѣкоторыя библейскія книги и немногія спеціальныя сочиненія и статьи о діаволѣ и о злѣ. Въ разныхъ мѣстахъ сочиненія догматическое изслѣдованіе предмета переплетается съ изложеніемъ и разборомъ раціоналистическихъ

взглядовъ и доказательствъ. Съ рационалистическими взглядами авторъ сочиненія знакомился большею частью не по первоисточникамъ, и вообще апологетическая часть сочиненія написана менѣе основательно и тщательно, нежели догматическая. Впрочемъ, основная задача выполнена авторомъ удовлетворительно, и онъ много трудился какъ надъ изученіемъ разнообразнаго матеріала, такъ и надъ обработкой его. Изложеніе и языкъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ неудачныхъ оборотовъ рѣчи (напр. о сообщеніяхъ откровенія сказано: „внимая благоразумнымъ совѣтамъ этого надежнаго *ментора*“, 106 стр.; употреблены выраженія: „антиципируетъ“ на 107 стр., „иллюстрируетъ“ на 193 стр., „предлюдія пораженія діавола“ на 366 стр.), удовлетворительны. Сочиненіе заслуживаетъ того, чтобы автору его была присуждена степень кандидата богословія“.

27. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Предтечевскаго Василія*: „Современные способы и средства вспомошествованія сиротамъ и престарѣлымъ лицамъ въ русской православной церкви“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія, трехъ главъ и приложенія.

Во введеніи раскрываются слѣдующія положенія. Историческими обстоятельствами въ быту нашего духовенства искони сложилось убѣжденіе, что мѣста церковнаго служенія должны почитаться не только принадлежащими самимъ служащимъ лицамъ, но въ нѣкоторой долѣ по крайней мѣрѣ и ихъ семьямъ и даже родамъ. Въ силу этого возрѣнія служащее лицо и по выходѣ за штатъ почитало себя въ правѣ хотя на нѣкоторую часть его доходности, равно какъ, въ случаѣ его смерти, его вдова и дѣти почитались также законными претендентами на мѣсто или какую-либо часть его доходовъ. Долгое время этотъ принципъ наслѣдственности мѣсть служенія духовенства и указывалъ и опредѣлялъ единственный источникъ призрѣнія престарѣлыхъ и сиротствующихъ лицъ бѣлаго духовенства. Но понятно, что при бѣдности самихъ мѣсть и этотъ единственный источникъ помощи и призрѣнія былъ всегда скуденъ, да и церковное правительство не всегда находило удобнымъ поощрять пользованіе имъ, а иногда и прямо во имя каноническихъ принциповъ воспрещало такое пользованіе. Съ конца

XVIII в. и во все продолженіе XIX къ этому исконному источнику вспоможенія и призрѣнія сначала присоединяются болѣе положительныя мѣры вспомошествованія въ видѣ пенсій отъ правительства и пособій отъ церковныхъ учрежденій, а потомъ и упраздняютъ его.

Первая глава сочиненія разсуждаетъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, какъ средствамъ вспомошествованія бѣдному духовенству.

Со всею обстоятельностью авторъ излагаетъ исторію (впрочемъ, весьма несложную) установленія пенсій и единовременныхъ пособій для духовныхъ лицъ, при чемъ пытается со всею ясностію выставить на видѣ скудость этого способа вспомошествованія и его недостаточность по сравненію не только съ пенсіями иныхъ вѣдомствъ, но даже и съ пенсіями духовно-учебнаго вѣдомства. Аргументы автора такъ ясны и убѣдительны, что съ нимъ нельзя не согласиться.

Глава вторая имѣетъ своимъ предметомъ исторію образованія и современное состояніе Епархіальныхъ Попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія и Окружническихъ Попечительствъ.

Состояніе первыхъ неутѣшительно. Причины этого авторъ указываетъ, съ одной стороны, въ вялости, а то и въ бездѣйствія Попечительствъ по части увеличенія доходовъ даже способами, закономъ имъ дозволенными (нерадѣніе о попечительскихъ кружкахъ, о кладбищенскихъ доходахъ), съ другой — въ самой организаціи Попечительствъ, какъ учрежденій замкнутыхъ и отрѣшенно отъ созерцанія живой дѣйствительности и нужды распредѣляющихъ пособія исключительно по официальнымъ показаніямъ документовъ. Посему несравненно успѣшнѣе дѣйствуютъ Окружническія Попечительства, какъ поставленныя въ болѣе выгодныя условія для ознакомленія съ дѣйствительною нуждою и нуждающимися и отъ непосредственнаго, живаго, общенія съ ними получающія сильнѣйшія побужденія къ энергической дѣятельности по изысканію средствъ и оказанію помощи.

Какъ данное состояніе попечительскихъ средствъ и размѣръ пособій, выдаваемыхъ Попечительствами, такъ и свои сужденія авторъ основываетъ на официальныхъ данныхъ, заимствуемыхъ изъ попечительскихъ отчетовъ разныхъ епархій.

Глава третья занимается разсмотрѣніемъ эмеритальныхъ епархіальныхъ кассъ, исторією ихъ происхожденія и даннымъ состояніемъ. Изображеніе ихъ устройства авторъ дѣлаетъ на основаніи изученныхъ имъ 19-ти редакцій устава епархіальныхъ эмеритуръ. Результаты этого сравнительнаго изученія эмеритуръ онъ и представляетъ въ настоящей главѣ, руководствуясь слѣдующимъ методомъ. Такъ какъ все разсмотрѣнныя имъ редакціи сходны въ общихъ началахъ устройства, но разнятся и иногда весьма существенно въ частности, то авторъ беретъ за основаніе наиболѣе, по его мнѣнію, типичную (именно уставъ эмеритуръ Воронежской епархіи) и излагаетъ отдѣльныя статьи ея по порядку, по каждую снабжая комментаріями, состоящими въ указаніи разностей, допускаемыхъ прочими редакціями. Представивъ такой комментированный уставъ эмеритуръ, авторъ со всею ясностію указываетъ какъ на главнѣйшій и крупный недостатокъ въ современномъ устройствѣ эмеритальныхъ кассъ—ихъ великое разнообразіе и высказываетъ съ своей стороны полное одобреніе тому высказываемому въ печати мнѣнію, чтобы Св. Синодъ принялъ на себя трудъ выработать одинъ общій эмеритальный уставъ для всехъ епархій.

Къ сочиненію присоединено „приложеніе“ въ видѣ четырехъ таблицъ, составленныхъ на основаніи извлеченій изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, отчетовъ Епархіальныхъ Попечительствъ и отчетовъ эмеритальныхъ кассъ.

Небольшое по объему сочиненіе (292 стр.—16 [таблицъ]) явилось однако же, по самому существу его, плодомъ усерднаго и многого труда. Но съ трудолюбіемъ нельзя не признать въ авторѣ и спеціальной способности къ трудамъ именно такого рода. Его выкладки и математическія соображенія дѣльны и правильны, такъ что сочиненіе прямо заслуживало бы того, чтобы быть рекомендованнымъ къ печатанію, какъ весьма полезное по дѣльному разъясненію одного изъ вопросовъ великой практической важности, еслибы, по сознанію самого автора, оно не страдало однимъ крупнымъ недостаткомъ: его обобщенія и выкладки лишь *приблизительно* вѣрны, но не безусловно точны. И недостатокъ времени и недостатокъ имѣвшихся подъ руками данныхъ отчетности (особенно Епархіальныхъ Попечительствъ)

служили непреодолимыми препятствіями къ достиженію болѣе точныхъ выводовъ. Посему нельзя не пожелать автору продолженія исполненнаго имъ труда въ томъ же направленіи, который и въ настоящемъ своемъ видѣ для присужденія автору степени кандидата богословія также нельзя не признать вполне удовлетворительнымъ“.

28. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Пѣшковъ Петра*: „Отношеніе Догматики Іоанна Дамаскина къ богословской и философской литературѣ предшественниковъ его“:

„Планъ нашей работы, говоритъ г. Пѣшковъ въ предисловіи къ своему сочиненію, опредѣляется самой Догматикой Іоанна Дамаскина: мы слѣдуемъ за нимъ глава за главой, тирада за тирадой, иногда и слово за словомъ... Методъ нашъ состоялъ въ слѣдующемъ: сначала мы указывали на содержаніе известной главы Іоанна Дамаскина и иногда кратко, иногда подробно излагали содержаніе главы; затѣмъ указывали того отца, которому Іоаннъ Дамаскинъ слѣдовалъ въ данномъ мѣстѣ, и приводили выдержки или краткое обобщеніе мыслей даннаго отца, смотря по тому, бралъ-ли Іоаннъ Дамаскинъ извѣстное мѣсто буквально, или очень близко у известнаго отца, или же обобщалъ мысли его и т. п. Послѣ подробнаго разсмотрѣнія въ концѣ мы дѣлали общее заключеніе объ отношеніи Іоанна Дамаскина въ данномъ вопросѣ къ предшественникамъ его“.

Но въ виду обширности такого труда г. Пѣшковъ ограничилъ его тѣмъ, что онъ указываетъ отношеніе Догматики Іоанна Дамаскина только къ православнымъ писателямъ, не входя въ разсмотрѣніе отношенія его къ писателямъ еретическимъ; да и изъ православныхъ онъ останавливаетъ свое вниманіе только на тѣхъ, „которые наиболѣе вліяли на Іоанна Дамаскина и которымъ Іоаннъ Дамаскинъ слѣдовалъ иногда буквально, иногда очень близко“.

Руководствуясь методомъ, такъ сказать, построчнаго сличенія, г. Пѣшковъ указалъ и опредѣлилъ степень зависимости всѣхъ важнѣйшихъ пунктовъ Догматики Іоанна Дамаскина отъ его предшественниковъ. Сличеніе это показало, что Іоаннъ Дамаскинъ для своей Догматики всего болѣе заимствовалъ изреченія изъ сочиненій Григорія Богослова, Діонисія Ареопагита, Василія Великаго, Григорія Нисскаго,

Анастасія Александрійскаго, Кирилла Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Епифанія Кипрскаго, Блаженнаго Феодорита, Максимъ Исповѣдника, Немезія, Оригена. Сличеніе сдѣлано тщательно. Пособіемъ при этомъ трудѣ г. Пѣшкову служили ученія примѣчанія къ образцовому изданію твореній Іоанна Дамаскина Лекеня, вошедшему и въ Патрологію Мипя. Догматику Іоанна Дамаскина онъ разсматривалъ по переводу Бронзова. Равнымъ образомъ и твореніями святыхъ отцовъ, за немногими исключеніями, онъ пользовался въ русскомъ переводѣ. Общій результатъ своего сличенія г. Пѣшковъ излагаетъ въ заключеніи, дѣлая здѣсь оцѣнку Догматики Іоанна Дамаскина. По его мнѣнію, въ основу плана системы этой Догматики были положены „Сокращенное изложеніе Божественныхъ догматовъ“ Блаженнаго Феодорита и Слово Григорія Богослова на Пасху, а также Слово его на Рождество Христово. Въ цѣломъ, по взгляду г. Пѣшкова, Догматика Іоанна Дамаскина представляетъ стройную систему: по въ частностяхъ, влѣдствіе слишкомъ большой зависимости ея отъ буквы предшественниковъ, она не вездѣ стройна; напр., иногда объ одномъ и томъ же предметѣ говорится въ разныхъ мѣстахъ. Отмѣчаетъ г. Пѣшковъ и неполноту этой системы, такъ какъ въ ней нѣтъ ученія о Церкви и очень мало сказано о благодати, искупленіи и таинствахъ.

Сочиненіе г. Пѣшкова отличается обстоятельностью и отчетливостію. Языкъ въ сочиненіи безупреченъ и отличается всѣми достоинствами, какихъ можно требовать отъ перваго ученаго труда. Степени кандидата авторъ его заслуживаетъ“.

29. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Ключевскаго о сочиненіи студента *Пясецкаго Евгенія*: „Западно-русская церковная историографія XVII вѣка въ связи съ общимъ направленіемъ духовнаго просвѣщенія и церковной жизни западной Руси того времени“:

„Въ ходѣ западно-русской церковной историографіи XVII в. авторъ различаетъ три момента или разновременныя направлепія: 1) время „исторической полемики православія съ латино-уніатствомъ“ (первая четверть XVII в., когда появились *Перестрога*, *Исторія о листрійскомъ соборѣ* и *Палинодія*), 2) время агиографической апологіи православной Церкви и русской народности (вторая четверть XVII в., эпоха Петра

Могилы, внушившаго два произведенія о кіево-печерскихъ святыхъ и святыхахъ, *Патерикъ* С. Коссова и *Тератургимъ* А. Кальноффскаго) и 3) время первыхъ опытовъ полнаго изложенія и прагматической обработки русской исторіи (вторая половина XVII в., когда составлены *Лустынская летопись*, *Хроника* Н. Сафоновича и *Синописи*). Авторъ даетъ въ своемъ трудѣ критическое обзорѣніе важнѣйшихъ памятниковъ западно-русской исторіографіи, отнесенныхъ имъ къ двумъ первымъ отдѣламъ. Разборъ каждаго произведенія представляетъ обстоятельную монографію, основанную на тщательномъ изученіи памятника, его происхожденія, состава, источниковъ, характера и значенія; особенно отличается этими качествами глава III о *Патерикъ* Коссова и *Тератургимъ*. Только о *Палинодіи* З. Копыстенскаго авторъ ограничился общими замѣчаніями, сославшись на существующія въ литературѣ спеціальныя изслѣдованія объ этомъ памятникѣ. Выясняя связь западно-русской церковной исторіографіи XVII в. съ общимъ направленіемъ духовнаго просвѣщенія и церковной жизни западной Руси того времени, авторъ обнаружилъ основательное знакомство съ исторической литературой по этому предмету. Третій отдѣлъ (глава объ исторіографіи второй половины XVII в.) также изученъ авторомъ основательно, но представленъ лишь въ подробномъ конспектѣ съ указаніемъ разнообразныхъ ученыхъ пособій, которыми пользовался авторъ, и съ изложеніемъ главныхъ выводовъ, къ которымъ привело его изученіе. Это даетъ возможность, не смотря на незаконченность сочиненія, признать его *очень хорошимъ*“.

30. Заслуженнаго ординарнаго профессора Петра Цвѣткова о сочиненіи студента *Ринка Евграфа*: „Правственное ученіе Св. Амвросія Медиоланскаго“:

„Сочиненіе г. Ринка расположено по слѣдующему плану. Послѣ краткой біографіи Св. Амвросія Медиоланскаго и краткаго обзора его твореній (введеніе) дается анализъ содержація какъ собственно правоучительныхъ твореній его, такъ и другихъ, въ которыхъ съ значительною подробностію выражены имъ нелчскія воззрѣнія (первая глава), затѣмъ излагается ученіе Св. Амвросія о высшемъ благѣ, которое есть Богъ (вторая глава), затѣмъ ученіе его о сущности добродѣтели и условіяхъ ея достижения, при чемъ утверждается,

что, но Св. Амвросію, добродѣтель есть дѣятельность, своеобразная съ природою (третья глава), наконецъ, — разматривается ученіе Св. Амвросія о формахъ или проявленіяхъ добродѣтели, иначе, о четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ: мудрости, справедливости, мужествѣ и умѣренности или воздержности (четвертая глава).

Въ сочиненіи точно представлено въ существенныхъ чертахъ нравственное ученіе Св. Амвросія. Эта точность составляетъ важное достоинство сочиненія, особенно, если имѣть въ виду, что Святитель Медиоланскій не всегда былъ строго-последователенъ и опредѣленъ въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ. Но авторъ сочиненія не ограничивается точнымъ анализомъ нравственныхъ воззрѣній Св. Амвросія, но пытается, и съ большимъ успѣхомъ, опредѣлить ихъ характеръ и отношеніе къ нѣкѣмъ *стоикамъ*, особенно, — *поскольку она отразилась въ сочиненіяхъ Цицерона*. Онъ признаетъ, что совершенно отрицать вліяніе античной философіи на нравственное ученіе Св. Амвросія значило бы отрицать очевидный фактъ, но утверждаетъ, что въ сочиненіяхъ этого великаго Учителя Западной Церкви даже и тамъ, гдѣ близость къ античной философіи выступаетъ съ наибольшей яркостью, за внѣшней, языческо-философскою оболочкою лежатъ глубокія христіанскія идеи и что, внося въ свое нравовученіе античные элементы, онъ освѣщаетъ ихъ новымъ свѣтомъ и подчиняетъ общему духу Откровенной религіи, а такимъ образомъ, его нравовученіе представляетъ собою нѣчто цѣлое, органически связанное съ его церковно-христіанскимъ сознаніемъ (стр. 57, 60—61).

Мысль, что, удерживая формы представленія и изложенія языческою греко-римскою нѣею, Св. Амвросій влагалъ въ нихъ христіанскій смыслъ, не однажды высказывается и проясняется въ сочиненіи при раскрытіи тѣхъ или иныхъ пунктовъ нравственнаго ученія Святителя Медиоланскаго. Такъ, относительно ученія Св. Амвросія о значеніи внѣшнихъ благъ утверждается, что, хотя формула соглашенія добродѣтели съ внѣшними благами взята имъ у *стоиковъ*, но въ эту формулу вложено имъ существенно-христіанское содержаніе (стр. 86). Такъ указывается, что, хотя Св. Амвросій, подобно *стоикамъ* и Цицерону, раздѣляетъ обязанности на среднія и совершенныя, но обосновываетъ это дѣленіе на

Матѣ. XIX, 17—21 (стр. 89—90). Такъ указывается, что Св. Амвросій, принимая стоическое дѣленіе добродѣтели на четыре проявленія или четыре главныя добродѣтели: мудрость, справедливость, мужество и воздержность, придаетъ этимъ добродѣтелямъ христіанскій смыслъ; напр., мудрость поимаетъ не какъ изопренность познавательной способности, но какъ способность отличенія добра нравственнаго въ соединеніи съ стремленіемъ къ нему, способность, которая коренится въ любви къ Богу и совпадаетъ съ благочестіемъ (стр. 146—160).

Весьма удовлетворительное по своему содержанию и направлению, сочиненіе г. Рипка очень хорошо и по изложению. Не ясно выраженные фразы и слова, въ родѣ: „кардинальскія добродѣтели“ (стр. 142 и въ др. мѣст.), „институтъ язычества“ (стр. 4), „вербальное тожество“ (стр. 58), суть исключенія“.

31. Ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента *Ротара Ивана*: „Епифаній Славинецкій. Его жизнь и церковно-литературная дѣятельность“:

„Обширное (въ 488 стр.) сочиненіе г. Ротара состоитъ изъ двухъ частей, распадающихся на девять главъ.

Часть первая, обнимающая жизнь Епифанія Славинецкаго, состоитъ изъ пяти главъ.

Въ главѣ *первой* (стр. 1—30), послѣ предварительныхъ замѣчаній о крайней скудости біографическихъ извѣстій особенно о до-московскомъ періодѣ жизни Епифанія, авторъ говоритъ о времени и мѣстѣ рожденія его, домашнемъ воспитаніи и объ ученіи его въ Кіевской коллегіи и за границей, о принятіи монашества и объ учительской дѣятельности въ Кіевской коллегіи, гдѣ начать имъ первый литературный трудъ, — словарь греко-славяно-латинскій. — Въ главѣ *второй* (31—75), послѣ критическаго разбора установившагося въ исторической наукѣ мнѣнія, будто Епифаній былъ вызванъ въ Москву бояриномъ Ѳ. Ртищевымъ, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о первыхъ годахъ московской жизни Епифанія. Прежде чѣмъ перейти къ церковно-литературной его дѣятельности, авторъ для объясненія направленія и характера этой дѣятельности предварительно представляетъ характеристику эпохи, въ которую пришлось дѣйствовать Епифанію, отмѣчая, съ одной стороны, враждебное отноше-

ніе русскихъ къ грекамъ, и съ другой стороны — сознание, что безъ помощи грековъ и греческихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ невозможно совершить стоявшее на очереди исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, отмѣчаетъ значительную долю участія Епифанія въ измѣненіи прежняго враждебнаго настроенія русскихъ людей по отношенію къ грекамъ. Затѣмъ указываются первыя попытки исправленія книгъ по греческимъ подлинникамъ и рѣшается вопросъ о роли и степени участія Епифанія въ дѣлѣ книжнаго исправленія.—Въ главѣ *третьей* (75—135) авторъ подробно говоритъ объ участіи Епифанія въ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, издаваемыхъ въ патріаршество Никона, а въ концѣ главы предлагаетъ перечень исправленныхъ при участіи Епифанія богослужебныхъ книгъ, издаваемыхъ послѣ удаленія Никона съ патріаршаго престола, а также перечень святоотеческихъ твореній, напечатанныхъ въ переводѣ Епифанія. Выводы, къ какимъ пришелъ авторъ, слѣдующіе: а) Епифаній окончательно разрушилъ и уничтожилъ въ высшихъ слояхъ московскаго общества еще раньше поколебленное предубѣжденіе противъ грековъ; б) то направленіе, какое Никонъ далъ дѣлу книжнаго исправленія, въ значительной мѣрѣ должно быть объяснено вліяніемъ Епифанія; в) съ самаго начала исправленія, съ первыхъ его попытокъ еще до Никона, вплоть до 1666 года Епифаній принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ печатнаго двора, и г) наконецъ, онъ слѣдилъ за печатаніемъ не только своихъ переводовъ, но и исправлялъ богослужебныя книги, какъ это ясно показываютъ его поправки на корректурномъ экземплярѣ на престольнаго Евангелія 1657 года.—Въ главѣ *четвертой* (135—200) авторъ изображаетъ взаимныя отношенія Епифанія и патріарха Никона и то дѣятельное участіе, какое принималъ Епифаній въ различныхъ стадіяхъ суда надъ патріархомъ. Въ Епифаніевой защитѣ Никона—говоритъ авторъ въ заключеніи главы—проявилось не только расположеніе друга, но и безпристрастіе убѣжденнаго защитника истины.—Въ главѣ *пятой* (200—258) говорится объ отношеніи Епифанія къ Московскимъ школамъ XVII вѣка: Ртищевской, Арсенія грека и Чудовской, и объ отношеніи его къ представителямъ латинскаго направленія въ Москвѣ, въ частности къ Симеону Полоцкому, при чемъ излагается

содержаніе „разглагольства“ его съ Симеономъ по вопросу о времени пресущественія Св. Даровъ. Въ концѣ главы сообщаются свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при которыхъ начатъ былъ Епифаніемъ въ 1674 году важнѣйшій его трудъ, для котораго собственно онъ и былъ вызванъ въ Москву—исправленіе перевода славянской Библии, указываются со-трудники, источники и пособия,—трудъ, не доведенный до конца за смертью Епифанія 19 ноября 1675 года.

Вторая часть, обнимающая обзоръ трудовъ Епифанія Славинскаго, состоитъ изъ четырехъ главъ (съ шестой по девятую).

Въ главѣ *шестой* (259—349), послѣ предварительныхъ замѣчаній объ источникахъ библиографическихъ свѣдѣній о трудахъ Епифанія, дается полный перечень его трудовъ (всего 125 №№) и, въ частности, напечатанныхъ его сочиненій, переводовъ и изданій, и затѣмъ авторъ переходитъ къ обзорнѣю проповѣдей Епифанія. Излагается содержаніе специальныхъ по назначенію словъ, каковы: „поученіе отъ іереа дѣтемъ духовнымъ“, „наказаніе отъ архіереа ко архимандритомъ и игуменомъ“, „слово къ монахомъ“, слова противъ раскольниковъ (при чемъ Епифаній горячо и съ убѣжденіемъ защищаетъ книжное исправленіе) и, наконецъ, слова похвальныя и на церковные праздники. Что касается сихъ послѣднихъ поученій Епифанія (похвальныхъ и праздничныхъ), авторъ ограничивается изложеніемъ только болѣе типичныхъ словъ и переходитъ къ общей характеристикѣ направленія его богословствующей мысли, къ изложенію его излюбленныхъ проповѣдническихъ пріемовъ. Отмѣчаются главный предметъ поученій, характеръ нравственныхъ приложеній въ нихъ, любовь Епифанія къ символическимъ толкованіямъ, обиліе ссылокъ на святоотеческія творенія, а также на лица и событія языческой исторіи. Обзоръ проповѣдей заканчивается замѣчаніями о виѣшнемъ характерѣ изложенія ихъ и вообще о свойствахъ языка (обиліе образныхъ выраженій и метафоръ, аптитезъ и синонимическихъ выраженій, вопросительная форма рѣчи и т. д.).—Въ главѣ *седьмой* (349—413) авторъ ведетъ рѣчь о двухъ трудахъ, усвояемыхъ Епифанію, изъ коихъ первый—трактатъ „о милости“ и второй—статья объ иконописаніи. Утвердивъ, сколько можно было, принадлежность Епифанію трактата „о милости“

сти“ и показавъ мѣсто, занимаемое имъ въ ряду другихъ трудовъ, авторъ довольно подробно излагаетъ содержаніе этого трактата, состоящаго изъ трехъ частей, указываетъ его выдающіяся достоинства. По отношенію ко второму труду (объ иконописаніи) авторъ доказываетъ принадлежность этой статьи Славинецкому, указываетъ время и поводъ ея составленія и довольно подробно передаетъ ея содержаніе, отмѣчая важное значеніе ея для того времени.—Въ главѣ *восьмой* (413—457) авторъ говоритъ о семи бесѣдахъ Епифанія на Шестодневъ, представляющихъ собою толкованіе на извѣстный трудъ Св. Василія Великаго. Подробно и отдѣльно излагается содержаніе каждой изъ семи бесѣдъ и отмѣчаются характеристическія особенности ихъ (стремленіе Епифанія сблизить ветхозавѣтныя событія съ новозавѣтными, символическія толкованія вѣтшихъ явленій природы, вопросительная форма рѣчи и т. д.).—Глава *девятая* (457—488) посвящена характеристикѣ переводныхъ трудовъ Епифанія. Предварительно авторъ излагаетъ статью Епифанія „Правила грамматическая на отмѣны реченій святаго символа“, написанную въ объясненіе тѣхъ отступленій отъ обычнаго чтенія символа, которыя приняты Славинецкимъ, какъ точнѣе передающія греческій текстъ, и затѣмъ отмѣчаетъ отличительныя особенности языка Епифанія въ переводныхъ его трудахъ (греческую конструкцію словъ и вообще подчиненіе славянскаго языка греческой грамматикѣ, составленіе новыхъ словъ подъ вліяніемъ греческихъ и т. д.). Въ заключеніи авторъ предлагаетъ характеристику личности Епифанія и значеніе его церковно-литературной дѣятельности для современниковъ, церкви и церковно-исторической науки.

Таково содержаніе разсматриваемаго сочиненія. Къ сожалѣнію, авторъ за недостаткомъ времени оставилъ безъ разсмотрѣнія важнѣйшій трудъ Епифанія — совершенное имъ неправленіе славянскаго перевода нѣкоторыхъ частей Библии, какъ и другіе филологическіе его труды. Затѣмъ, принадлежность Епифанію трактата „о милости“ и статьи объ иконописаніи и послѣ доводовъ автора не можетъ быть признана безспорною. Отношеніе семи бесѣдъ Епифанія къ Шестодневу Св. Василія Великаго раскрыто не съ достаточною полнотою. Но эти недочеты покрываются значительными достоинствами сочиненія, представляющаго въ общемъ солид-

ную монографію о выдающемся ученомъ и церковномъ дѣятель XVII вѣка. Не малый интересъ придаетъ сочиненію автора введенный имъ рукописный матеріалъ, особенно изъ рукописи Кіево-Печерской Лавры № 145. Печатная литература исчерпана авторомъ основательно. Взглядъ автора на церковно-литературную дѣятельность Епифанія Славинскаго—правильный. На всемъ протяженіи труда авторъ обнаруживаетъ искреннюю симпатію и уваженіе къ личности этого достопочтеннаго дѣятеля. Направление труда г. Ротара строго православное. Изложеніе отличается ясностію и легкостію. Писанныхъ словъ, безъ коихъ можно бы обойтись, замѣчено нами весьма немного (апріорно, адепты). Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе г. Ротара удовлетворительно“.

32. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Румницкаго Алексея*: „Законодательство императора Юстиніана относительно церкви, іудеевъ, еретиковъ и язычниковъ“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ отдѣленій, подраздѣленныхъ на части и главы.

Во введеніи авторъ говоритъ о великомъ значеніи Юстиніана въ исторіи Византіи, какъ политика и законодателя. Въ первомъ отношеніи авторомъ указывается на стремленіе Юстиніана возсоединить обѣ половины греко-римской имперіи подъ главенствомъ одного абсолютнаго монарха: во второмъ—на отмѣненіе всякихъ законовъ и учреждений, содержащихъ древніе республиканскіе элементы и установленіе исключительнаго господства въ имперіи православной церкви съ объявленіемъ всѣхъ еретиковъ и шовѣрцевъ государственными преступниками. Ближайшею задачею своего сочиненія авторъ ставитъ изложеніе Юстиніанова законодательства, опредѣляющаго положеніе въ государствѣ православной церкви и положеніе въ немъ іудеевъ, еретиковъ и язычниковъ (1—30).

Отдѣленіе 1-е содержитъ изложеніе Юстиніанова законодательства, опредѣляющаго положеніе господствующей православной церкви, права клира и разныхъ учреждений и распределяется на нѣсколько частей и главъ (30—342).

Часть 1-я (гл. 1) содержитъ изложеніе Юстиніанова законодательства о личныхъ качествахъ избираемыхъ во епис-

скона (30—43): о порядкѣ поставленія и хиротоніи во епископа (гл. 2, стр. 43—63); о привилегіяхъ и обязанностяхъ епископа (гл. 3, стр. 63—77); объ участіи епископовъ въ дѣлахъ гражданскаго управленія (гл. 4, стр. 78—101); объ отношеніяхъ епископовъ между собою (гл. 5, стр. 101—111).

Часть вторая содержитъ изложеніе Юстиніанова законодательства о клирикахъ, въ частности: объ условіяхъ вступленія въ клиръ (гл. 1, стр. 111—130); о порядкѣ назначенія на мѣста, о рукоположеніи, правахъ и обязанностяхъ клириковъ (гл. 2, стр. 130—165).

Часть третья содержитъ изложеніе Юстиніанова законодательства о монашествующихъ, въ частности: объ условіяхъ вступленія въ монастырь (гл. 1, стр. 166—184); объ образѣ жизни и поведеніи монаховъ (гл. 2, стр. 184—215).

Часть четвертая содержитъ изложеніе Юстиніанова законодательства о священныхъ учрежденіяхъ. Подъ такимъ наименованіемъ авторъ разумѣетъ православные храмы и благотворительныя учрежденія, бывшія въ вѣдомствѣ церковной іерархіи. Въ частности—авторъ изображаетъ привилегіи православныхъ храмовъ какъ священныхъ мѣстъ, падѣленныхъ правомъ убѣжища: затѣмъ излагаетъ права и привилегіи благотворительныхъ учреждений: страннопріимныхъ домовъ, приютовъ для бѣдныхъ, для престарѣлыхъ, больныхъ, сиротъ и брошенныхъ родителями дѣтей, наконецъ,—права и привилегіи похоронныхъ коллегій (215—251).

Часть пятая содержитъ изложеніе Юстиніанова законодательства о судоустройствѣ и судопроизводствѣ по дѣламъ, подвѣдомымъ церковному суду и по дѣламъ клириковъ уголовнымъ и гражданскимъ (251—279).

Часть шестая содержитъ изложеніе Юстиніанова законодательства о церковномъ имуществѣ, въ частности—о привилегіяхъ церковной собственности, объ управленіи имуществомъ церкви, о духовныхъ завѣщаніяхъ въ пользу храмовъ и благотворительныхъ учреждений, объ условіяхъ отчужденія церковнаго имущества (280—342).

Отдѣленіе 2-е, подраздѣленное авторомъ на три части, которыя причислѣно было бы по ихъ незначительнымъ размѣрамъ называть главами, содержитъ изложеніе Юстиніанова законодательства о еретикахъ (ч. 1, стр. 342—369), объ иудеяхъ (ч. 2, стр. 369—390) и язычникахъ (ч. 3, стр. 390—401).

Сочиненіе представляет собою въ первомъ отдѣленіи довольно полное и точное изложеніе Юстиніанова законодательства по данному предмету; второе отдѣленіе—много слабѣе: слишкомъ кратко и обще. Кромѣ труда изложенія авторъ всюду, по изложеніи болѣе или менѣе крупнаго отдѣла, пытается дать каноническую оцѣнку изложеннаго законодательства и для сего представляет изложеніе каноническихъ опредѣленій по данному предмету. Въ общемъ каноническая оцѣнка законодательства Юстиніана у автора вѣрна, хотя иногда и нѣсколько преувеличена.

Главнымъ источникомъ для сочиненія служило подлинное законодательство Юстиніана въ кодексахъ и новеллахъ; но авторъ благоразумно пользовался и пособиями, исключительно русскими: трудъ автора вообще усердный и удовлетворительно выполняетъ задачу, ему поставленную. Для правильной оцѣнки нельзя однакоже не поставить ему на видъ слѣдующихъ недостатковъ. Отдѣленіе 2-е, какъ выше было замѣчено, представляет собою слишкомъ общее и поверхностное изложеніе Юстиніанова законодательства по данному предмету, между тѣмъ, послѣднее имѣетъ глубокой исторической интересъ. Въ языкѣ автора встрѣчаются выраженія неточныя или вычурныя; напр., на стр. 71-й авторъ пишетъ: „для *замаскированія* своего долгаго отсутствія епископы *резонировали* обыкновенными церковными дѣлами“. На стр. 82: „епископы должны были преграждать взяточничество и у *болѣе низкихъ* (вмѣсто низшихъ) чиновниковъ“. На стр. 192: „Устроивъ *внѣшнюю* общежительную монашескую жизнь, Юстиніанъ... указываетъ только *общія точки* (ея)“. На стр. 148: „Этотъ законъ получилъ исключительное *право гражданства*“.

Признаю разсмотрѣнное сочиненіе удовлетворительнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

33. Экстраординарнаго профессора Василія Мышцына о сочиненіи студента *Самецкаго Василія*: „Книга пророка Авдія“:

„Небольшое сочиненіе г. Самецкаго, посвященное самому малому изъ малыхъ пророковъ, является полнымъ по содержанію и очень цѣннымъ по научнымъ достоинствамъ. Насколько возможно подробно и обстоятельно изложивъ свѣдѣнія о пророкѣ, его имени (1—7 стр.), времени жизни и за-

писи пророчества (7—26), проанализировавъ литературное сходство пр. Авдія съ пр. Іереміей въ пользу самостоятельности перваго и сообщивъ все важнѣйшія свѣдѣнія объ Эдомѣ за все время существованія этого народа (38—49), авторъ даетъ подробное научное толкованіе книги пророка Авдія (50—267).

Малый объемъ изучаемаго авторомъ предмета далъ ему возможность въ теченіи года не только овладѣть всею доступнымъ ему научнымъ матеріаломъ (не считая отеческихъ и отечественныхъ толкованій, онъ изучилъ по данному вопросу до 12 иностранныхъ комментаріевъ и до 18 иностранныхъ же Введеній въ Ветхій Заветъ), но и зрѣло продумать, провѣрить его и такимъ образомъ придти къ научнымъ результатамъ. Впрочемъ, досугъ не далъ бы всего этого автору, если бы онъ не обладалъ значительными познаніями по еврейскому и даже сирскому языку, и главное, если бы не владѣлъ ясною и осповательною мыслью. Въ виду научной цѣнности труда желательно было бы видѣть его въ печати, по исправленіи нѣкоторыхъ частныхъ, указанныхъ на поляхъ сочиненія, и по пополненіи его сравненіями древнеславянскихъ текстовъ и общими замѣчаніями о достоинствѣ и характерѣ древнихъ переводовъ на книгу прор. Авдія.

Для полученія кандидатской степени сочиненіе г. Самецкаго вполне достаточно“.

34. Экстраординарнаго профессора Анатоля Спасекаго о сочиненіи студента *Сироткина Евграфа*: „Императоръ Юстиніанъ и его участіе въ догматическихъ движеніяхъ своего времени. Опытъ историко-психологическаго изслѣдованія“:

„Сочиненіе г. Сироткина состоитъ изъ общаго введенія, вступленія, семи главъ изслѣдованія по взятому имъ вопросу и заключенія.

Во введеніи авторъ излагаетъ общія замѣчанія о направленіи, характерѣ, методѣ и источникахъ своего сочиненія, и прежде всего опредѣляетъ свой принципиальный взглядъ на задачи историческаго познанія вообще. Онъ не хочетъ быть ни историкомъ-объективистомъ, кропотливо собирающимъ одни вышшіе факты исторической жизни, не задаваясь никакою другою цѣлю, кромѣ точнаго ихъ воспроизведенія, ни историкомъ - субъективистомъ (прагматистомъ), который, стараясь проникнуть въ глубь явленій и объяс-

нить ихъ причинную связь, невольно вносить въ исторію „свое пониманіе, свой духъ, свои требованія“ (5 стр.). Отвергая объ эти формы историческаго изслѣдованія, какъ недостаточныя для уразумѣнія самаго „сердца и души исторіи“, авторъ ищетъ для историческаго познанія новаго пути и находитъ его въ „историко-психологическомъ направленіи, вслѣдствіе чего и свою работу предлагаетъ, какъ „опытъ историко-психологическаго изслѣдованія“. Опытъ пытается „понять исторію не какъ преемственную смѣну событій и ихъ генезисъ, а какъ одинъ цѣльный организмъ, заключающій въ себѣ множество другихъ болѣе мелкихъ организмовъ,—посредствующихъ и крайнихъ,—какіе въ общемъ взаимоотношеніи составляютъ одинъ міровой космосъ“ (11—12). Однако къ исторіи человѣчества вообще эта точка зрѣнія, по автору, непримѣнима, потому что неосуществима, но за то она вполне пригодна для церковной исторіи. „Въ церковной исторіи,—говоритъ авторъ,—ея душа и сердце являються опредѣленными по откровенію и природѣ христіанина, а узнать ихъ взаимоотношеніе въ общемъ—третье неизвѣстное—не столь трудно для нахожденія при двухъ извѣстныхъ, т. е. когда открыть путь исторіи (по закону Божію въ Св. Писаніи и Преданіи) и намѣчена богооткровенная цѣль человѣческаго развитія природы“ (13). Въ церковной исторіи дѣйствуютъ два элемента: сверхъестественный—Божественный и случайный—человѣческій. Подъ вліяніемъ Божественнаго начала въ человѣческой природѣ христіанина слагаются извѣстные образы, чувства и желанія, создаются опредѣленные типы „пониманія христіанства“, своего рода „историческіе организмы“, воплощающіе въ себѣ ту или другую сторону христіанства. Каждый изъ этихъ организмовъ не составляетъ церкви: лишь всѣ они въ совокупности образуютъ собой „универсъ“ церкви, жизнь котораго и совершается въ развитіи, борьбѣ и взаимодействіи этихъ организмовъ, при чемъ одни организмы, развивая въ крайность свое одностороннее пониманіе христіанства, отсѣкаются съ теченіемъ времени отъ „универса“ церкви, какъ сухія и безплодныя вѣтви, другіе примыряются съ ней и усваиваются общимъ церковнымъ сознаніемъ. Выходя изъ этихъ общихъ положеній, авторъ и устанавливаетъ какъ задачу церковнаго историка вообще, такъ и задачу своего сочиненія въ частности.

Если задача церковно-исторической науки вообще состоитъ въ томъ, чтобы „констатировать то или другое состояніе церкви при данномъ уровнѣ религіознаго сознанія и описать характеризующіе его типы (организмы), ихъ процессъ образованія и развитія, а равно и отношеніе къ общему цѣлому церкви“, то задача историка догматическихъ движеній VI вѣка опредѣляется наличнымъ состояніемъ догматическаго сознанія этого вѣка и его жизненными стремленіями. Нужно сначала опредѣлить основной мотивъ догматическихъ запросовъ VI вѣка, затѣмъ показать главнѣйшія формы (типы или организмы) отвѣта на него, потомъ раскрыть ихъ взаимоотношеніе и влияніе на окончательный исходъ догматической работы въ общемъ сознаніи церкви.

Таково общее воззрѣніе автора на церковную исторію и таковы задачи, поставленныя имъ для своего сочиненія. Мы намѣренно остановились подробнѣе на его введеніи, чтобы показать, что въ сочиненіи г. Сироткина мы имѣемъ предъ собою не шаблонную работу, не письменное упражненіе на заданную тему, а своеобразный, оригинальный трудъ, въ который положено много силъ и много мысли. Какъ же авторъ выполняетъ свою задачу?

Не вдаваясь въ изложеніе содержанія его сочиненія по частнымъ рубрикамъ (объ этомъ можетъ дать понятіе подробное оглавленіе, находящееся въ его сочиненіи на стр. 34—39, а отчасти и приложенные къ нему тезисы опыта—стр. 11—12), мы отмѣтимъ лишь общую схему, по которой движется мысль автора.

Догматическая работа вѣка Юстиніана сосредоточивалась на выясненіи понятія о Христѣ Богочеловѣкѣ, какъ живой личности, какъ единомъ Богочеловѣческомъ организмѣ, въ свободѣ и полнотѣ соединяющемъ въ Себѣ Божество и человечество, и совершалась подъ дѣйствіемъ христологической формулы, установленной Халкидонскимъ соборомъ. Узаконяя границы, внутри которыхъ должна была развиваться догматическая мысль послѣдующаго времени, и такимъ образомъ, предвѣщая окончательный исходъ ея работы, опредѣленіе IV вселенскаго собора все-таки не удовлетворило собой пытливости богословской мысли, стремившейся понять Лицо Богочеловѣка, потому что оно было, съ одной стороны, теоретично, съ другой—обще. Признавая во

Христѣ одно лицо и двѣ природы въ неслитномъ и неразлучномъ соединеніи, Халкидонская формула еще не рѣшила собой конкретно всѣ вопросы о способѣ соединенія природы и внутренней жизни во Христѣ; какъ могутъ противоположныя природы соединиться въ одномъ Лицѣ? Какое мѣсто въ этомъ соединеніи для человѣческой природы? Какъ понять Христа, какъ „совершеннаго“ человѣка? Въ чемъ проявляется Его человѣческая жизнь и вообще какъ конкретно, „психологически“ усвоить себѣ Личность Искушителя по Его Божественной и человѣческой сторонѣ? Не желая навязывать общему церковному сознанію того, до чего оно еще не доросло, Халкидонскій соборъ, оставивъ рядъ этихъ и подобныхъ вопросовъ безъ подробнаго обсужденія, — рекомендовалъ лишь для рѣшенія ихъ принятія имъ въ качествѣ образца вѣры нѣкоторые посланія Кирилла Александрійскаго и письмо папы Льва. Эти именно вопросы и составили собой содержаніе догматической мысли VI вѣка. Общее состояніе къ началу царствованія Юстиніана характеризуется крайнимъ индивидуализмомъ; каждый по своему опредѣлялъ свое отношеніе къ Халкидонскому собору, каждый сообразно своимъ потребностямъ толковать его формулу. Однако, и въ этотъ вѣкъ „индивидуализма и личностей“ подмѣчаются четыре главныхъ группы („организма“), болѣе или менѣе соединившія въ своемъ отношеніи къ „объекту церковно-исторической жизни“ прочихъ членовъ церкви. „Первый организмъ“ являли собой северіане съ ихъ утвержденіемъ *ἐν ὁμῶς φυσικῶς* во Христѣ; второй—скиѣскіе монахи съ ихъ схоластической формулой объ энциклости и энцистасности человѣческой природы во Христѣ; третій—западные, консервативно державшіеся за Халкидонскую формулу, но въ то же время истолковывавшіе её, подъ вліяніемъ письма Льва, въ сторону, близкую къ слабому восточному несторіанству, и, наконецъ, четвертый — представляли собой нѣкоторые восточные епископы, отвѣчавшіе запросамъ времени, стоявшіе на правильномъ пути, хотя еще и не доходившіе по нему до конца. Догматическая работа VI вѣка начинается первымъ организмомъ съ уясненіемъ его отношенія къ „универсу“. Подъ вліяніемъ отчасти историческихъ обстоятельствъ и отчасти естественнаго саморазвитія северіанское пониманіе Личности Богочеловѣка раскрываетъ

предъ общимъ сознаниемъ свои крайнія, непримиримыя съ жизнью церкви, стороны, а потому осуждается, отсѣкается отъ общаго организма церкви, какъ его негодный членъ, оставляя для общаго сознания лишь то, что было въ немъ здраваго. Подобный процессъ саморазвитія происходитъ и съ прочими организмами; но мѣръ самораскрытія ихъ общее сознание церкви глубже входитъ въ познание Личности Богочеловѣка, конкретнѣе уясняетъ Его какъ для себя, такъ и для сознания индивидуальнаго, — и затѣмъ вся эта работа завершается V вселенскимъ соборомъ, который, по выраженію автора, является „историческимъ актомъ универсальнаго воплощенія Христа Искупителя въ самое слово жизни“.

Въ чемъ же выразилось участіе императора Юстиніана въ этомъ движеніи догматической жизни церкви VI вѣка? Соответственно темѣ своего сочиненія, авторъ удѣляетъ этому вопросу преимущественное вниманіе. Онъ тщательно слѣдитъ за внутреннимъ развитіемъ самого Юстиніана въ „его отношеніи къ объекту церковно-исторической жизни“, подробно отмѣчаетъ его мѣропріятія, его вліяніе въ каждомъ моментѣ догматической исторіи его царствованія, анализируетъ его эдикты и сочиненія, и, наконецъ, специально посвящаетъ 7-ю главу и заключеніе своего сочиненія характеристикѣ дѣятельности его и значенія въ догматикѣ того времени. Свое сужденіе о заслугахъ Юстиніана авторъ формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Юстиніанъ понялъ свою историко-догматическую задачу шире, чѣмъ понимали всѣ философы и богословы его времени и, заботясь о сознательномъ усвоеніи тайнъ Искупителя, онъ особенно заботился перестроить свое государство по образу церкви и принялъ въ догматическихъ движеніяхъ своего времени глубокое жизненное участіе въ цѣляхъ пересозданія міра земли въ міръ небесный“. „Да, боговѣнчанный Юстиніанъ съ положительной стороны укрѣпилъ въ христіанскомъ сознаніи ученіе о двухъ природахъ по Халкидонскому собору, сообщилъ понятіе активности сторонъ Личности Искупителя, способствовалъ воплощенію Его въ жизнь церкви; съ отрицательной—прекративъ споры о законности захватовъ божественнаго въ несторіанствѣ и монофизитствѣ, произнесъ судъ надъ фантазирующими северянами и оригенистами и

не допускать въ жизни подмѣны истины словами схоластики“.

Обращаясь къ оцѣнкѣ сочиненія, мы прежде всего укажемъ на то, что и уже представленное сейчасъ изложеніе основныхъ мыслей автора достаточно говорить о богатствѣ его содержанія и широтѣ взгляда. Оставляя пока въ сторонѣ общее воззрѣніе автора на методъ построенія церковной исторіи, можно сказать, что сочиненіе его имѣетъ крупныя положительныя достоинства. Оно понимаетъ догматическія движенія VI вѣка, какъ одно неразрывное цѣлое, стремившееся къ одной цѣли—конкретнаго усвоенія личности Христа, и, при всемъ разнообразіи своихъ оттѣнковъ въ частныхъ проявленіяхъ, работавшее въ одномъ направленіи къ благу церкви. Отсюда и такъ называемыя въцерковныя движенія, какъ северіанство или оргенизмъ, въ его сочиненіи описываются не съ отрицательной стороны, не какъ враждебныя и исключительно вредоносныя для церкви, а какъ положительныя сотрудницы ея, помогающіе надлежащему исходу общей работы.—Взглядъ глубокій и безусловно вѣрный! — Понявши всю догматическую исторію VI вѣка подъ однимъ господствующимъ мотивомъ — желанія психологически постигнуть догматъ о Богочеловѣчѣ, — авторъ сообщилъ ей замѣчательную цѣльность и законченность, въ которой она является необходимымъ звеномъ общаго догматическаго развитія церкви. Въ частности, исходя изъ своего общаго взгляда на движенія VI вѣка, ему удалось составить такое сужденіе о дѣятельности V вселенскаго собора, которое далеко превосходитъ собой наиболѣе распространенныя представленія объ этомъ соборѣ. Дѣятельность V вселенскаго собора обычно полагаютъ въ осужденіи „трехъ главъ“, навязывая ему исключительно отрицательную и сомнительную по своей догматической цѣнности задачу. Сочиненіе г. Сироткина убѣждаетъ насъ въ односторонности подобныхъ представленій: оно показываетъ, что вопросъ о „трехъ главахъ“ былъ лишь наружной формой, внѣшнимъ отголоскомъ основной задачи собора—выяснить догматъ о Богочеловѣчѣ въ виду новыхъ запросовъ мысли, продолжать и закончить дѣло Халкидонскаго собора. Поэтому, и V соборъ получаетъ значеніе завершенія христологическаго движенія въ церкви, является вѣнцомъ ея вѣковыхъ ра-